

Когда Русь была Татарской

Золотоордынский период российской истории долгое время был запретной темой для отечественных исследователей. Достаточно вспомнить пресловутое решение ЦК ВКП (б) 1944 года прямо запрещающее проведение исследований по данной тематике. К сожалению многие ложные стереотипы, являющиеся наследием коммунистической эпохи сильны и по сей день. Великая Золотая Орда на страницах школьных (и даже вузовских) учебников до сих пор представляется как некое враждебное иностранное государство, нападавшее на Русь, подобно западным противникам—немцам и шведам. Тем самым золотоордынский период вольно или невольно исключается из контекста истории российской государственности, между тем, как историческая истина, требует со всей ясностью заявить как раз об обратном, а именно о том, что без истории Золотой Орды нельзя понять средневековой истории России и истории Восточной Европы.

Между Россией и Востоком никогда не существовало той географической и социально-психологической отчужденности, которая существовала между востоком и Западной Европой. Взаимодействие восточных славян с их южными и восточными соседями порой даже принимало формы взаимной ассимиляции. Весьма удачным представляется высказанное в этой связи мнение Л. Н. Гумилева, согласно которому Древняя Русь и Великая степь вместе составляли единое этногеографическое пространство, а развитие русской государственности неизбежно шло в тесном взаимодействии с южными и восточными соседями. В ходе сложных этносоциальных и этноконфессиональных процессов обобщались и синтезировались сущностные особенности и черты культур и религий разных народов (что, впрочем, отнюдь не является исключительным примером в мировой истории). В силу этого, по мнению Николая Бердяева «Россия не может определять себя как Восток и противопоставлять себя Западу Россия должна сознавать соединителем двух миров, а не разделителем».

Таким образом, особенности цивилизационных процессов, шедших в редкие века на обширных евразийских просторах России, можно свести к следующему: в чрезвычайно разнообразных природных условиях постепенно формировалось общее цивилизационное пространство, сохранявшее открытый характер и способность к переменам, усвоению новых ценностей, обогащению за счет социокультурного взаимодействия и взаимообмена между различными этническими элементами.

Коль скоро речь идет об истории российской государственности, необходимо прямо поставить вопрос: почему этот важнейший аспект истории до сих пор ассоциируется лишь с Киевской Русью и Московией? Как известно, Киевская Русь возникает лишь в X веке, между тем как уже в VI–VII веках значительная часть нынешней территории России входила в состав могущественного Тюркского каганата. Уже с тех пор евразийское пространство, большую часть которого

занимает ныне Россия, традиционно представляло собой зону сожителства, взаимопроникновения, взаимодействия славянского и тюркского этносов.

Указанный процесс наиболее активно шел в XIII–XVI веках, то есть в период существования Руси под влиянием великой Золотой Орды. Необходимо обратить серьезное внимание на имевшиеся в то время многочисленные примеры продуктивного взаимодействия двух государственных традиций. Именно в соответствии с ордынскими обычаями на Руси были перестроены фискальная система, военная организация, посольские обычаи. Финансовые льготы православной церкви базировались в период ордынского главенства первоначально на Ясе (своде законов) Чингисхана, а затем — и на нормах мусульманского права (шариат). Сходство государственно-административных порядков в Орде и на Руси было столь значительным, что в «Задонщине» (XV век) Русь именуется не иначе как «Залесская Орда». Не случайно среди заимствованных в русском языке тюркских слов имеются такие, как казна, деньга, алтын, тамга (и его производное таможня), ям (откуда ямщик, ямская служба). Это указывает на, по крайней мере, значительное татарское влияние в таких важных функциях государства, как организация финансовой системы и почтовых сообщений. Можно долго перечислять многочисленные исторические названия в Москве (Китай-город, Арбат, Балчуг, Ордынка и др.) также восходящие к ордынским временам, когда Русь и Золотая Орда фактически жили в рамках единой государственно-политической системы и в какой-то мере уподоблялись друг другу.

Таким образом, сводить отношения России и Орды к последствиям пресловутого «нашествия Батыя», являвшегося лишь крупномасштабным, но ограниченным по времени набегом, едва ли возможно. Ведь в конечном счете становление российской государственности происходило в русле широкого заимствования ордынской военно-политической организации, опыта и даже самих «кадров» — представителей военно-служилого сословия.

Как отмечал великий российский историк Г. В. Вернадский, «Подчинившись государям из дома Чингисхана, русская земля в политическом отношении была включена в огромный исторический мир, простиравшийся от Тихого Океана до Средиземного моря. (...) К центру монгольской власти должны были тянуться люди из разных концов Материка по своим разным делам — административным, торговым и тому подобным». Взаимодействие и взаимопонимание, вплоть до слияния русской и татарской знати в Московском государстве, были исключительно эффективны и совершенно логично сопровождались взаимной веротерпимостью. В золотоордынский период на Руси появилась вполне официальная формула «царев улус и княжая отчина» — тем самым признавалась одновременно верховная власть хана и суверенное право русских князей. Русская знать легко находила соответствия своей титулатуре в золотоордынской системе. При этом князья были не просто данниками Орды, но и активными участниками ее политической жизни то есть представляли собой важное звено государственного механизма ханской державы. Все это способствовало использованию ордынских принципов в организации власти и даже возможно подражанию им. Князья подчинялись

великому князю, стоявшему во главе русского улуса, а великий князь был напрямую подчинен хану Золотой Орды, выдававшему ярлык на великое княжение. «Мы видим как бы два центра, — указывал Г. В. Вернадский, — Сарай и Москву. Первый центр имеет главное, основное, значение в административно — государственной жизни всего царства Золотой Орды, но все же это не единственный центр. Исторически это может быть объяснено тем, что Золотая Орда явилась преемницей сразу двух государственных миров; степного (частью половецкого) и лесного (северорусского). В пределах первого — в южнорусских степях — оказался главный центр Золотой Орды (...) В пределах второго — в северорусских лесах — возник дополнительный русский центр Улуса Джучиева — Владимир, потом Москва». Фактически, Москва стала вторым после Сарая центром Золотой Орды, сумев захватить лидерство среди русских княжеств именно потому, что она являлась главным центром сбора дани.

Характерно, что окончательное утверждение ислама в качестве господствующей религии в Золотой Орде, происшедшее в 1312 году в правление хана Узбека, никоим образом не помешало Руси сохранить свою религиозную самостоятельность. Более того, на службу русским князьям перешло немало знатных татар. В частности, в 1329 году на службу к московскому великому князю Ивану Калите прибыл мурза Чета, прямым потомком которого спустя два столетия стал русский царь Борис Годунов. Почти все прибывшие из Орды представители военной знати были отличными наездниками, воинами-багатурами (откуда и возникло слово «богатырь»). В результате значительный процент бояр и других служилых людей московского царя составляли представители татарской знати. Немалую роль при московском дворе играли и представители династии Чингизидов: царевич Худайкул (в крещении Петр Ибрагимович) неоднократно замещал в качестве соправителя уходившего в военные походы царя Василия III (1505–1533 годы), служилый касимовский хан Шах-Али (одно время бывший ханом Казани) командовал армией Ивана Грозного в Ливонской войне.

Хорошо известно, что представители татарской знати постепенно смешиваясь с русскими дали начало множеству известных российских дворянских фамилий (в том числе Аксаковы, Апраксины, Аракчеевы, Булгаковы, Бунины, Горчаковы, Державины, Ермоловы, Карамзины, Кропоткины, Кутузовы, Мичурины, Рахманиновы, Салтыковы, Строгановы, Тимирязевы, Третьяковы, Тургеневы, Тютчевы, Уваровы, Ушаковы, Чаадаевы, Шаховские, Шереметевы, Юсуповы). Нигде в мире христианские государи не допускали столь тесного сближения со своими мусульманскими подданными.

Обретение Москвой независимости от ордынских ханов (1480 год) не означало политического разрыва с их наследниками. Ханское звание и принадлежность к роду Чингизидов по-прежнему продолжали пользоваться уважением на Руси. Впрочем, вопреки суждениям некоторых современных исследователей, захват Казанского и Астраханского ханств не был актом религиозной войны, а представлял собой проявление типично имперской средневековой политики, определявшейся стремлением приобрести новые территории и новых подданных. В

результате с XVI века ислам и православие существуют в России как бы параллельно». Характерно также, что Московские цари не отказывались даже от ряда важных внешних символов своей власти, имевших восточное происхождение. Например, вплоть до конца XVII века московские великие князья и цари вели переписку с мусульманскими государями с соблюдением ордынских «протокольных» традиций, то есть с использованием официального стиля и формул, присущих парадно-канцелярскому делопроизводству Золотой Орды. Направлявшиеся владыкам исламских стран грамоты вплоть до начала XVIII века украшались не изображением двуглавого орла, а особым каллиграфическим знаком — тугрой, заимствованной у ханов. Именно на ранней стадии формирования московского государства восточные заимствования шли особенно активно. Фактический материал, подтверждающий данный тезис, весьма значителен. Уже с начала XVI столетия в грамотах крымских и ногайских ханов московский государь именуется не иначе как «Великого улуса великий князь». Тем самым, мусульманские династии формировавшиеся в ходе распада Золотой Орды, признавали московских правителей законными преемниками власти в этом некогда могущественном государстве, ибо только Золотая Орда ранее именовалась «Великим улусом». Входящий тогда же в обращение титул «Белый царь» являлся признанием преемственности власти московского государя от ранее правивших в Сарае ханов Белой Орды улуса Джучи (старшего сына Чингисхана) — белый цвет у кочевников символизировал запад, а указанный титул фигурировал главным образом в отношениях московского государства с народами Востока. Взятие Казани (1552 год) и Астрахани (1556 год) означало в этом контексте не только включение означенных территорий в состав Российского государства, но и признание московского государя Ивана Грозного законным правителем почти всей территории бывшей Золотой Орды. На тронных приемах при царе теперь находились три короны — Московская, Казанская и Астраханская (по другой версии — Казанская Астраханская и Сибирская), а ногайские князья прямо обращались к нему как к потомку Чингисхана (хотя и по женской линии) «великого Чингиз царев прямой род счастливой государь еси...»

Многие авторитетные ученые давно признали огромное значение золотоордынского наследия в становлении российской государственности. А выводы можно проиллюстрировать на примере справедливой оценки, данной директором Института истории Академии наук Татарстана Рафаэлем Хакимом: «...татарская история последних четырех столетий оказалась частью российской. Русские, благодаря Золотой Орде, оказались вовлеченными в мировые процессы, а впоследствии сумели создать грандиозное государство под названием Россия. История и татар, и русских упираются в Золотую Орду. Пройдет время, отпадет идеологическая шелуха, и на наследство Золотой Орды будут претендовать многие народы».

Наследие Золотой Орды, наряду с восходящими к Киевской Руси и Византии традициями Московского княжества, сыграло роль государствообразующего фактора в истории России. Указанный вывод, приобретающий сегодня все более широкое распространение, представляет собой отражение того существенного

количественного и качественного взаимодействия и взаимного влияния (вплоть до тесного переплетения и синтеза), которое на протяжении длительного времени существовало между обеими указанными традициями. В этой связи с целью пересмотра отживших стереотипов и формирования нового, объективного взгляда на отечественную историю, необходимо проведение дополнительных уточняющих исследований с участием специалистов в области истории, этнографии, археологии, социологии, политологии и смежных научных дисциплинах. Должны быть существенно пересмотрены образовательные программы по отечественной истории как школьного, так и вузовского уровней, изданы новые учебники. Более того, вышеозначенная концепция должна самым активным образом пропагандироваться и использоваться в интересах российского государства в средствах массовой информации, а также на уровне как внутрироссийских, так и межгосударственных отношений, способствуя формированию новой геополитической стратегии в отношениях между Востоком и Западом.

Россия является наследницей не только Московского царства (как написано, например, в концепции национальной безопасности России), но и Золотой Орды. Таков тезис, который в ближайшее время станет темой серьезного обсуждения на высоком академическом уровне. С инициативой о проведении дискуссии по этому вопросу выступил Международный общественный фонд «За выживание и развитие Человечества», работающий над поиском новой российской национальной идеи.

Дмитрий Жантиев, кандидат исторических наук.

Источник: [Московское Татарское Свободное Слово](#).